

лодости недурным голосом, запевал в этом спектакле «Ноченьку», а отличный баритон Амфи гремел на весь театр: «Хочу свободы я и страсти». Баритон Амфи позже бросил сцену и стал Александром Амфитеатовым, — все трое часто вспоминали впоследствии о своих триумфах в Казанском театре.

Шли голодные, мучительные годы. С маленькими провинциальными труппами Шаляпин разъезжал из города в город, зарабатывая то 15, то 25 рублей в месяц, да и то деньги эти удавалось получить, если антреприза не прогорала... В перерыве между двумя ангажементами просто приходилось голодать, таскать на спине мешки в Баку, работать на пристани за 15—20 копеек, спать в Тифлисе под открытым небом... Счастье улыбнулось впервые только осенью 1893 года, когда Шаляпина приняли в местный театр на 150 рублей в месяц. Поработав в Тифлисе год, Шаляпин собрал немного денег и двинулся в Москву... Первая газетная рецензия о выступлении Шаляпина в «Сказках Гофмана»: «...Недурен также мужской хор. Кроме г-на Лодия, имевшего заслуженный успех, понравились г-жа Андреева-Вергина, легкое колоратурное сопрано, г.г. Бастунов (баритон) и Шаляпин (красивый «бассо кантанте»)».

Чтобы написать биографию Шаляпина, нужна целая книга. Нужно было бы подробно рассказать, как в 1895 году молодого 22-летнего певца пригласили в Мариинский театр, о его дебюте в «Фаусте», о его неудовлетворенности, исканиях, о встрече, которая сыграла решающую роль в жизни Шаляпина. Оперное предприятие Мамонтова было еще совсем молодым делом, но вокруг него уже собирались замечательные представители русского искусства: Васнецов, К. Коровин, Врубель. Летом 1896 года, отправляясь со своим театром на всероссийскую выставку в Нижний Новгород, С. И. Мамонтов услышал от капельмейстера Труффи, что в Мариинском театре завелся певец, из «которого может выйти толк». Труффи знал Шаляпина еще по тифлисскому театру... Мамонтов согласился. С этого момента для Шаляпина начался период подлинно художественной работы, сурового, критического отношения ко всему тому, что является в искусстве условным. С. И. Мамонтов был не только душой своего дела, но и режиссером Божьей милостью, человеком с огромным вкусом, чувством меры, настоящей культурой. «Неизвестно, пишет один из биографов Шаляпина Эд Старк, что бы вышло из Шаляпина, не учуй в нем Мамонтов большую силу и не перемани его из золоченых палат казенной оперы в свой бревенчатый терем... Здесь-то и начались поиски, такие тревожные, такие лихорадочные за настоящим идеалом в искусстве, погоня за тем, чтобы сделать как можно лучше, чтобы достичь крайних художественных результатов». Здесь Шаляпин окончательно отказался от всего арсенала нелепых жестов, созданных певцами старой школы, и нашел свой подлинный стиль, стал тем реалистом, который сделал из него, помимо певца, и гениального драматического артиста. Шаляпин, впрочем, всегда имел тяготение к драме. Мне говорили, что дней за десять до своей смерти он вздохнул: «Эх, хорошо бы стать драматическим артистом и сыграть хоть раз Несчастливцева!»

Это были годы необыкновенно упорной работы — за три сезона Шаляпин выступил у Ма-

монтова в 19 партиях. Какой урок молодым артистам! Одного гения мало, — нужно много труда и сил. Шаляпин как-то сказал мне в одном разговоре: «Ведь это все не так просто получается... Одной приходской школы мало — там я даже до дробей не дошел. Много мне пришлось в жизни поработать, многому поучиться, чтобы потом Бориса Годунова сыграть».

В 1899 году Шаляпин вернулся на императорскую сцену — на этот раз в Московский Большой театр. Имя его начинает греметь на всю Россию, а вскоре о нем заговорят за границей. Идут годы триумфов: Шаляпин

— Вот вы в Москве и получите... У меня там большие деньги на счету остались. В золоте...

Так Шаляпин и перешел на эмигрантское положение. Много раз его пытались соблазнить, уговаривали вернуться в Россию. Для глубоко русского человека, каким был Шаляпин, этот отрыв от Родины был подлинно мучительной драмой.

— Почему, — спрашивал он, — должен я петь в Бордо перед людьми, которые меня не понимают, а скажем, не в Саратове?

Был он сыном крестьянина, и родная земля осталась близкой,

СКОРБНЫЙ ЛИСТ

Жизнь Шаляпина

Подписанные извлечения - 1992 - 1993

...Трудно вместить жизнь даже самого простого «маленького» человека в несколько машинописных страниц. А если это Имя славное и великое, известное не только в нашем Отечестве, но и во всем мире? Такое, как Федор Иванович Шаляпин?

Нам кажется, с трудной задачей вполне справился Андрей Седых, чей очерк мы предлагаем вашему вниманию. Вчитайтесь в эти строки. Нас разделяют пятьдесят четыре года, разные эпохи, разные судьбы и страны. Устарела ли эта поминальная молитва? Судите сами...

выступает в миланском «Скала», Дягилев скоро повезет его в Париж. Шаляпин в апогее своей славы, люди дежурят у театра ночи напролет, чтоб получить билет на шаляпинский спектакль, он потрясает сердца людей... О нем слагаются легенды. Но кто знает настоящего, непоказного Шаляпина, кто знает, сколько ему приходится работать, какой ценой достаются все эти успехи, с каким трепетом и уважением он относится к своему искусству?

— Чего только обо мне не говорили, но правда обо мне мало кому известна, — говорил Шаляпин на склоне своих лет, уже прочно обосновавшись в Париже. — Меня ведь немногие знают и выдумывают про меня, как про того архиерея, который всю жизнь ездил в закрытой карете.

Настала революция, большевистский переворот, страшные годы. Шаляпин продолжал петь, в нетопленных театрах, перед новыми слушателями. «Пять лет пел в России за чай, сахар, муку», — говорил он впоследствии. Наконец его выпустили за границу. Артист воспрял духом. На шестом десятке нужно было начинать все сначала, нужно было обеспечить большую семью, работать больше, чем когда-либо. Начались годы странствий, и не было, кажется, ни одной столицы, ни одного крупного города, в котором Шаляпин не выступал в свой эмигрантский период. Годы через два после того как он выехал за границу, Шаляпину явился представитель полпредства:

— Федор Иванович, ведь у вас советский паспорт?

— Советский.

— Если не ошибаюсь, вас выпустили из России на определенных условиях: вы должны половину заработка отдать советскому правительству.

Шаляпин выслушал, кивнул головой и вышел в соседнюю комнату. Минуту спустя он вернулся с чеком на старый, давно национализированный большевиками московский банк:

тянула к себе, снилась по ночам:

— Мечтаю я о тихой деревенской жизни, — жаловался он лет пять назад, — по настоящему, должен я был сейчас жить в моей деревеньке Старове Владимирской губернии. Дача там у меня была славная. Сколотил я замечательный дом из сосновых бревен. Речка под боком. И покупашись, и рыбки половись... Оказалось все это буржуазно. Должно быть, сделали там какой-нибудь колхоз.

Потом из России пришло известие: Шаляпина, по постановлению «всерабиса», лишили звания народного артиста. Когда я показал ему газетную вырезку с этим сообщением, Шаляпин лишь с недоумением развел руками: «Ну что же мне делать? Пусть, Шаляпин, стало быть, не народный артист. А кому же Шаляпин пел, как не народу? Лошадям что ли? Паспорта они меня лишить могут, а кровь-то подменить никак нельзя, — кровь у меня русская».

В 1929 году я принес Шаляпину новую вырезку. «Красная Газета» сообщила, что знаменитый певец возбудил официальное ходатайство о разрешении ему вернуться в Россию. На этот раз Шаляпин, только что вернувшись из С. Штатов, пришел в негодование: «Никакого ходатайства ни перед кем никогда не возбуждал. Никогда в жизни я никого ни о чем не просил — ни царей, ни псарей. Нет уж, увольте; мне в России морду горчицей вымазали. А на это и лакеи обижаются».

Таким он и остался в Париже, который страстно любил, — навсегда. Но о России думал, тосковал, мечтал перед смертью побывать на Волге, ступить ногой на родную, русскую землю... Ничего из этого не вышло. И все, что осталось, — это горсть русской, псковской земли, которая завтра будет брошена в могилу Федора Ивановича на батиньольском кладбище.

Андрей СЕДЫХ.
«Последние новости» (Париж), 1938 год.

Шаляпин

1 ФЕВРАЛЯ 1873 года в городе Казани в семье писца уездной земской управы родился сын Федор. Детство было безрадостное, горькое, жестокое. В школе Шаляпин оставался недолго — предпочитал учиться на арифметике, а играть на скрипке. Домашнее образование было не полным. Отец под пьяную руку бил непутевого мальчишку и кричал ему при этом: «В дворники надо идти, скважина, в дворники, а не в театр! Дворником надо быть, и будет у тебя кусок хлеба, скотина. А что в театре хоршего? Ты вот не захотел мастеровым быть, и сгниешь в тюрьме».

Для дворника «скважина» был слишком молод, а в подмастерьях у сапожника Андреева он все же побывал. Здесь его научили сучить драгву, ставить латки на сапоги, набивать каблук. Но кормили плохо, били беспощадно, заставляли работать с 6 утра до полуночи.

— Федька, др-ра-атву!
А будущий мировой бас выводил тоненьким дискантом.
— Извольте, Николай Евтропыч!

Сапожника из него не вышло, но зато удалось пристроиться писцом в управу, где платили что-то около тридцати копеек в день. С работы потихоньку удирали на репетиции: Шаляпину предложили сыграть ответственную роль в пьесе «Жандарм Рожэ». Кое-как роль свою он выучил. Наконец настал вечер дебюта. Шаляпин до конца своих дней волновался, буквально трепетал перед выходом на сцену. Легко представить себе, что делалось с ним в этот вечер? Сердце бешено колотилось, ноги подкашивались от страха. «Жандарма Рожэ» пришлось почти силой вытолкнуть на сцену. Надо было двигаться, говорить, а он молчал, словно окаменел... В кулисах злобно шипели:

— Окаянная рожа, говори!

— Дайте ему по шее!

Опустили занавес под свист публики. К будущему артисту императорских театров подошел режиссер и молча дал по шее раз, другой. Бил он одной рукой, а другой срывал с «актера» костюм. Потом Шаляпина в одном белье выгнали в сад... Он перелез через забор, забрался в какой-то сарай и двое суток сидел не евши, обливаясь горькими слезами. Нет, никогда он не будет актером!

Он стал актером. В Казанский городской театр набирали статистов. В эпизоде «Жизни за Царя» Шаляпин взбирался с другими статистами на кремлевскую стену и с упоением кричал «Ура!». Во втором акте «Демона» ему была поручена другая ответственная роль: ему надо было выполнять на сцену в костюме чеченца... Артисты все были молодые, неопытные: Максим Горький, обладавший в мо-

